

толерантности как одного из подвижных социальных концептов, вопреки эссенциалистским подходам, стремящимся выявить единственно «истинное» понимание сущности толерантности. Во-вторых, в соответствии с указанной выше методологией предложен подход к рассмотрению специфики глобальных процессов посредством понимания «глобального пространства» как Другого по отношению к пространствам, характеризующимся как «локальные». В такой перспективе толерантность дает возможность поддержания принципиального несовпадения пространств с различным характером социальных связей и различными способами их осуществления.

Д. В. Котелевский

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ИЗНАНКА СО-ОБЩЕСТВА

Очевидный рост числа работ в области толерантности связан с рядом причин, и среди них не последнее место занимает существенная неопределенность данного понятия и тех концептуальных конструкций, которые это понятие используют. Значительная разногласия в понимании смысла толерантности, с одной стороны, подталкивает исследования в данной области, а с другой стороны — обнаруживает и делает очевидной попытки установить пределы рефлексии над данным понятием. Эти, казалось бы разнонаправленные, векторы осмысления толерантности внутренне связаны друг с другом. Собственно причины возникновения смысловой неопределенности понятия «толерантность», а также вышеуказанная парадоксальность, свойственная исследованиям толерантности, и будут предметом анализа данной статьи.

Различие позиций в интерпретации данного термина в некотором пределе может быть представлено как излишек толерантности к толерантности. Такой излишек является источником возникновения различных трактовок толерантности. В силу действия этого излишка толерантность выводит себя на пре-

дел в тот момент, когда допускает возможность различных типов толерантности. В такой ситуации толерантность подрывает основания собственной определенности. В то же время такой излишек в какой-то форме неизбежно функционирует и в виде собственно излишка — толерантность в современном обществе европейского типа становится избыточной.

Отмеченная выше избыточность толерантности проявляется и на теоретическом, и на практическом уровне. На теоретическом избыток толерантности приводит к тому, что социологи, философы, культурологи уже не только не в состоянии прийти к общему мнению в отношении толерантности, но даже и к заключению: о чем же все-таки идет речь в тот или иной момент — о толерантности или о каком-то ином социальном феномене. Толерантность становится всем и тема толерантности все в себя вмещает. На практическом уровне излишек толерантности проявляется в культивировании различных практик толерантности, превращающихся в своей избыточности во властные практики отсечения того, что в свою очередь признается избыточным. Избыточность толерантности приводит к тому, что сфера избыточного в ситуации маркировки социальных действий как допустимых или недопустимых, излишних, увеличивается. Такое постоянное увеличение круга явлений, признаваемых избыточными, приводит к тому, что расширяется почва для возникновения представлений о том, что это избыточное угрожает нормальному, естественному, которое идентифицируется с толерантным (толерантным обществом, толерантной культурой и т. п.). Возникает замкнутый круг — борьба за толерантность в тех или иных социальных сферах ведет к признанию необходимости постоянного расширения фронта сражения за толерантность. Существует опасность того, что в какой-то момент уже не периферийные сегменты социальных практик будут подозреваться в нетолерантности, а все социальное поле взаимодействий. В такой предельной ситуации интересно будет выявить «глаз» циклона — основания, от имени которых толерантность как таковая будет учреждаться и поддерживаться.

Подобные парадоксы в форме существовании толерантности, не являясь случайными, позволяют актуализировать темы войны (насилия) и мира в рамках толерантности. Для совре-

менной философии, пытающейся раскрыть связь этих понятий, существенным оказывается мотив соположенности войны (насилия), с одной стороны, и мира (ненасилия) — с другой. Здесь фактически обнаруживается взаимозаменяемость и оборачиваемость войны и мира, насилия и ненасилия, друга и врага в европейской философии, что позволяет говорить о сущностной связи *φίλειν*, любви, дружбы, и *πολέμοσ'α*, войны, распри. Эти моменты наиболее ярко обнаруживаются в текстах Гераклита, Гегеля и Ницше, но присутствуют и у других европейских мыслителей. Все это позволяет сказать, что любой разговор о *φίλειν* оказывается также разговором о *πολέμοσ'ε* и наоборот, анализ сущности *πολέμοσ'α* является в какой-то мере анализом сущности *φίλειν*. В итоге возникает единое исследовательское поле — филополемология, понятие которой вводит в философскую лексику Ж. Деррида. Наиболее интересный вопрос в данном контексте — это вопрос о симметричности или асимметричности отношений войны и мира. Полностью ли равнозначны эти элементы или какой-то из элементов доминирует в системе их отношений? Существует ли здесь полная симметрия в их отношениях или можно указать на некоторую асимметричность такой филополемологической конструкции? Представляется, что в европейской традиции в данных отношениях наблюдается асимметричность, которая, по-видимому, эволюционировала, приобретая каждый раз конкретные формы в реализации этой асимметрической конструкции в ту или иную эпоху. Учитывая эти исторические изменения, интересно было бы выявить место современной толерантности как определенной практики войны и мира в ходе этой эволюции. Такое детальное исследование — это, очевидно, перспектива филополемологии и исследований в области толерантности, предполагающих подробный анализ эволюции формы отношений в системе война/мир.

Для непосредственного анализа формы отношений *πολέμοσ'α* и *φίλειν* важно указать на то, что длительное время в европейском обществе доминировала асимметрия, один элемент оказывался в этой бинарной оппозиции стратегическим, а второй — подчиненным ему, тактическим. Уместно возникает вопрос: возможно ли в отношении *φίλειν* и *πολέμοσ'α* установить симметрию? Такое установление отношений, по всей ви-

димости, возможно, если отказаться от признания того, что есть незыблемое основание $\phi\lambda\epsilon\iota\nu$ и $\rho\omicron\lambda\epsilon\mu\omicron\sigma$ 'а. Другими словами, следует признать, что нет внешней меры войны и ненасилия, сущность войны и сущность ненасилия утверждаются в социальном событии, в некоторой позиции в социальном поле. Следовательно, существует много способов понимания войны и мира. Возникает закономерный вопрос: а возможен ли тогда вообще разговор о войне и мире? По всей видимости, он только тогда и оказывается возможен, возможен как наша война по поводу понимания войны и мира. Таким образом, симметрия восстанавливается как знак одновременно принципиальной асимметрии, но уже не статической, а динамической. Необходимо также отметить, что подобное изменение в понимании сущности $\phi\lambda\epsilon\iota\nu$ и $\rho\omicron\lambda\epsilon\mu\omicron\sigma$ 'а приводит и к установлению новых форм способа связи $\phi\lambda\epsilon\iota\nu$ и $\rho\omicron\lambda\epsilon\mu\omicron\sigma$ 'а, меняя границу их пролегания. Эта граница оказывается не только внешней, где мы обнаруживаем необходимость войны для поддержания мира, но и внутренней, к чему приводит оборачиваемость стратегии войны и тактики ненасилия, с одной стороны, и переосмысления основания их отношения, с другой стороны. Смещение границы внутрь означает перемещение этой границы внутрь нашей работы, где война с собственным имеет не меньшую, а порой и большую значимость, чем война с другим. Таким образом, здесь существенной оказывается наша война с собственным пониманием войны и мира, а также пониманием границы $\phi\lambda\epsilon\iota\nu$ и $\rho\omicron\lambda\epsilon\mu\omicron\sigma$ 'а.

Другая существенная группа вопросов, связанная с первой, но уводящая в область философских метапостроений, сводится к попытке определения того, что же все-таки в этой филополемологической системе центрирует эту конструкцию и создает ее основание? Другими словами, если здесь наличествуют отношения асимметрии, то что прочерчивает границу между войной и миром — война или мир? $\rho\omicron\lambda\epsilon\mu\omicron\sigma$ или $\phi\lambda\epsilon\iota\nu$ решает, что есть война, а что есть мир, полагая одновременно логику их взаимозаменяемости и здесь же устанавливая предел их взаимооборачиваемости и создавая логические и онтические ресурсы их различия?

На практике все эти теоретические проблемы определения толерантности очень часто и, по сути, неизбежно проявляются

в форме войны за мир, войны за толерантность. Эта война обнаруживает себя так, что при разговоре о ненасилии всегда уместным для кого-нибудь оказывается вопрос: а в пользу кого осуществляется эта тактика ненасилия, кому выгодна эта толерантность, в какой войне и кто использует этот конкретный мир? Сама ситуация постановки подобных вопросов как раз и демонстрирует еще раз эту асимметрию, где война за мир (за толерантность) во всем мире — это всегда и предельная толерантность и предельная нетерпимость.

Итак, одним из основных источников смысловых парадоксов в данном исследовательском поле оказывается сама возможность определения толерантности. Целесообразно задать вопрос: случайно ли данная проблема становится основной в данном контексте? Очевидно, что отвечая на этот вопрос, нужно прежде всего ответить на вопрос о том, определима ли толерантность вообще. По всей видимости, следует признать, что система сообщества не может быть замкнута как онтологически, так и гносеологически. Под невозможностью онтологической замкнутости следует понимать невозможность существования сообщества в режиме стазиса, под гносеологической — невозможность полного самоописания себя обществом. Между гносеологическим и онтологическим смыслом невозможности самозамыкания существует непосредственная связь уже хотя бы в силу того, что любое гносеологическое описание здесь имеет скорее черты и характеристики перформатива, социального действия, чем нарратива. По сути, неопределенность можно рассматривать как условие бытия сообщества, как то нередуцируемое основание, которое всегда существует и определяет структуру общества и его институтов. В попытке совершить полное самоописание себя сообщество неизбежно порождает парадоксы. Эти парадоксы могут быть описаны в логике Ж. Лакана как парадоксы «пустого места». «Пустое место» — это то, что не может быть заполнено смыслом, наделено определенными значениями. Лакан, в особенности размышляя над сущностью желания и природой объекта желания, отмечает, что в одной и той же логике невозможно хотеть объект и описывать его логику. В стремлении совершить свое полное самоописание сообщество неизбежно создает, конструирует недостижимый объект. В этом действии конструирования смыслового

объекта происходит создание того, что сообщество полагает в качестве своего основания, своего источника.

Таким образом толерантность — феномен не формы, а содержания. Потому толерантность и невозможно определить в терминах *что*, так как толерантность всего лишь знак невозможности самоописания системы сообщества. Для ее описания гораздо более применимыми оказываются категории не содержания, а формы: например, *как* или *каким образом*? Тем не менее важно все же понять, почему все-таки порой толерантность оформляется в виде некоторого «что», в качестве некоторого содержания или, по крайней мере, попытки его содержательного определения. Дело в том, что сама вышеуказанная невозможность определенным образом фиксируется. Она фиксируется сообществом не в виде обнаружения собственно такой невозможности, а в форме обнаружения содержательных элементов системы, не позволяющих осуществить это полное замыкание. Сообщество в результате обнаруживает предел своей разрешимости в онтогносеологическом смысле не как эффект формы, не сущностно, а как эффект содержания. Выявляя содержательное нечто, что препятствует полному самоописанию, сообщество, как мы указали выше, полагает эти содержания в качестве своего источника и основания, в качестве тех ценностей, которые его, сообщество, и создают. На самом же деле, конечно, эти содержания фиктивны, лишь эпифеноменально проявляют то, что есть толерантность на деле, а на деле толерантность, еще раз повторим, — эффект формы. Толерантность — знак невозможности существования сообщества с абсолютно «прозрачной» коммуникацией. Толерантность, таким образом, возникает во имя абсолютной коммуникации, но фиксируется и определяется в силу невозможности этой идеальной коммуникации. Тогда толерантность — «пустое место» реального (в лакановской терминологии) и в то же время основание сообщества, его предел, который не может быть проговорен в силу недостижимости идеала абсолютной коммуникации. Толерантность — тот предел, который сообщество, полагая его в качестве реального своего основания, помещает в центр своего бытия. Особенность современного общества состоит в том, что толерантность в нем активно осмысливается и проговаривается, в результате толерантность помещается в центр внима-

ния сообщества. Но на самом деле толерантность уже всегда была там в качестве его основания, хотя до сих пор это ее положение было неосознаваемым. Здесь уместно задаться вопросом, что происходит в том сообществе, которое осознает и тем самым осуществляет совмещение места своего основания с местом направленности актов своих смысловых интенций? Очевидно, возникает новое качество сообщества — оно обсуждает собственную возможность, собственные основания, где толерантность — невозможность, делающая общество возможным.

Далее, важно указать на то, что сообщество имеет свои пределы не в качестве единичных, а, по крайней мере, в качестве множественных. Следовательно, предел сообщества существует в качестве множества пределов сообществ. Само сообщество на этом пределе распадается на множество и приобретает сложный, сложенный характер. В каждом сообществе существует возможность реализации других форм сообщества и другого способа структурирования множества иных сообществ. Только в силу этой своей сложности сообщество и существует как сообщество. Из одного сообщества всегда может выпасть одно или много сообществ. Это происходит подобно тому, как из разреза какой-то фигуры или вещи выпадают другие вещи. Ситуация, впрочем, осложняется тем, что то, что выпадает, может оказаться не только иным по отношению к той вещи, тому сообществу, в котором сделан этот разрез, но и тем же самым. Собственно, толерантность как предел и есть разрез (coupe), рассекающий сообщество и обнаруживающий его изнанку (вернее, множество изнанок), как то, что одновременно является самим сообществом и в то же время другим по отношению к нему. Можно было бы сказать, что сообщество складывается из сообществ, если не задумываться над тем, что само упоминание сообщества в единичном числе оказывается всегда условным, всегда скрывающим за собой множественность. Любое сообщество всегда включает, совмещает в себе другие сообщества. Любое сообщество — это совместность, не только как совместность его субъектов, но и как совмещенность в нем других сообществ. Тогда толерантность как предел бытия сообщества существует как открытость для возможности бытия другого сообщества. Данное свойство сообщества, по сути, возникает из-за того, что сложный/сложенный характер имеют

сами пределы сообщества, те пределы, которые мы анализировали выше как толерантность. Подобная ситуация обуславливает невозможность определения предела какого-либо сообщества, так как любое сообщество включает в себе другие сообщества. Это приводит к тому, что толерантность как предел сообщества можно представить не только в качестве предела множественности, на котором сообщество всегда распадается. Но толерантность можно представить в качестве того предела, на котором выявляется неопределенность статуса бытия сообщества как единственного или множественного. Иными словами, толерантность здесь обнаруживает себя как предел разрешимости единичного и множественного в сообществе/сообществах. Это приводит к тому, что в действительности мы никогда не можем достоверно утверждать, с чем мы имеем дело: с одним или с множеством сообществ. И опять-таки, говоря о какой-то содержательной толерантности, мы никогда не можем быть уверены, что та или иная форма толерантности, форма утверждения множественности, не складывается в некой точке в единую толерантность с вытекающими отсюда претензиями на знание истины толерантности.

Собственно, в данной интерпретации толерантность в системе метонимических имен-заместителей, помимо уже указанных, раскрывается как сингулярность-предел: предел сообщества, на котором оно всегда имеет возможность превратиться в иное; предел события, социального акта.

Однако этот предел существует не только как предел разрешимости единичного и множественного сообщества. Сам предел, как было отмечено выше, имеет такой же сложный характер, как и сообщество, другими словами, он всегда существует как совместность. Предел всегда совмещает в себе множество пределов, причем совмещает таким образом, что невозможно сам предел представить как единичный или множественный. Но, разумеется, сам такой предел, существующий как неопределимый в виде единичного или множественного, все-таки себя обнаруживает. Это обнаружение происходит в тот момент, когда предел, сам по себе неопределимый в качестве единичного или множественного, сталкивается с другим пределом. В этой ситуации предел ставит границы своей совместности как открытой возможности бытия различных совместностей. совме-

щаяся, пределы определяют, ограничивают совместность. В этой точке и возникает, по сути, возможность различения субъекта сообщества.

В рамках данной логики открываются новые возможности для интерпретации статуса субъекта сообщества. С одной стороны, обнаруживается, что любой субъект всегда является субъектом сообщества и потому, заключая в себе сложность как свойство сообщества, включает в себя множество субъектов, что проявляется как возможность быть другим субъектом сообщества. С другой стороны, сообщество имеет формальную структуру и потому каждый раз разговор идет не о некоем абстрактном, а об определенном конкретном сообществе. Для субъекта это оборачивается тем, что он всегда существует в режиме «уже дано» для сообщества, субъект как бы предан для него и во временном отношении предшествует ему. Сообщество всегда обнаруживает себя как сообщество субъектов (необязательно индивидов, субъект может быть и коллективным). Но в сущностном смысле субъект — одна из форм, в каких обнаруживает себя предел сообщества, и тогда более исходным оказывается само сообщество, по крайней мере до тех пор, пока не зададимся вопросом о том, как соотносится сообщество и его предел. Потому сообщество, заключая в себе множество возможностей других сообществ, задает возможность множественных форм бытия субъектов. В конечном итоге, пытаясь дать более точное определение субъекту сообщества, можно сказать, что он «всегда уже», но по сути, конечно, не раньше, не прежде.

Возвращаясь к основной теме толерантности, можно заключить, что представление о толерантности, понятой как предел сообщества, совместности, создает новые смысловые пространства не только для интерпретации собственно толерантности, но и ряда других ключевых для социальной философии понятий. Именно толерантность становится тем, что выводит в современном обществе на всеобщее обозрение его предел как возможность его существования, как предел существования самого сообщества, особенно в ситуации, когда сообщество делает предмет своего обсуждения толерантность. В этом пределе и раскрывается изнанка сообщества одновременно как неисчерпаемый запас множественности, скрывающийся в лю-

бой точке, любом событии сообщества, и в то же время как изнанка любой совместности, неопределимой в своем качестве единичности или множественности. Здесь, в этой точке неопределимости, формируется как толерантность, так и предел разрешимости толерантности как социального феномена.

Отсюда возможно сделать некоторые выводы в отношении толерантности. Во-первых, в силу того, что толерантность не может быть определена в самом сообществе, языком самого сообщества, толерантность в этой ситуации неизбежно экстерриториализируется за пределы сообщества, что обнаруживается как попытки экспорта толерантности. Экспорт толерантности становится символом современного сообщества. Толерантность становится знаком сообщества, но этот знак некоторым образом всегда существует в современном сообществе как откуда-то навязанный, ввезенный извне, как знак предела европейского сообщества. Но одними возможностями экспорта толерантности таких целей, как ее учреждение или ее сущностное обсуждение, не достичь. Экспорт толерантности должен быть дополнен ее импортом внутрь самого сообщества, что должно создать многонаправленный вектор бытия толерантности. Толерантность должна быть рассеяна, чтобы начать существовать, умножена таким образом, чтобы различные сообщества имели возможность осуществления собственной толерантности. В итоге рассеяние толерантности должно приводить к обнаружению предела в каждом сообществе, в каждой сингулярности.

С. А. Никитин

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

«ЭФФЕКТ ТОЛЕРАНТНОСТИ» И СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

В понятии толерантности, в каком бы контексте оно ни использовалось, скрывается странность, вызванная «холодностью» самой концепции толерантности, отсутствием само собой